

Корней Чуковский

Корней

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ПЯТНАДЦАТИ ТОМАХ

не-
палачу рожки, — секунду до эшафота в свою пенерку,
Верхар... циируют фельетонисты.
Чюмина переводит Метерлинка и
Фонг - Гофманстала. Артист Александр
дрий: Н. Н. Ходотов мелодраматизирует
Брюсона и Бальмонта; а К. Бравичь вы-
ступают в «Балаганчике». Декадентство
стало доступно всем, мило в быт, по-
тимо истина. — (и потому, зачеху апар-
хить ужасом, отпос...

палачу рожки, — секунду до эшафота в свою пенерку,
Городицкий восторгается палачем и посты
ему славословия, все это, вь концы кон-
цов, и эти безумные и мудрые слова, и
эти конижные и строгие образы — все это
одно:

Чуковский

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ТОМ ШЕСТОЙ

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА
(1901–1907)

ОТ ЧЕХОВА ДО НАШИХ ДНЕЙ

ЛЕОНИД АНДРЕЕВ
БОЛЬШОЙ И МАЛЕНЬКИЙ

НЕСОБРАННЫЕ СТАТЬИ
(1901–1907)

УДК 82
ББК 84(2Рос=Рус)6
Ч-88

Чуковский, К. И.

Ч-88 Собрание сочинений: В 15 т. Т. 6: Литературная критика (1901–1907): От Чехова до наших дней; Леонид Андреев большой и маленький; Несобранные статьи (1901–1907) / Предисл. и коммент. Е. Ивановой. — М. : T8RUGRAM / Агентство ФТМ, 2017. — 624 с. : ил.

ISBN 978-5-521-74852-5 (т. 6)
ISBN 978-5-4467-0026-4

Свой путь в литературе Корней Чуковский начинал как критик. В шестой том Собрания сочинений вошли его первые дореволюционные критические сборники «От Чехова до наших дней» и «Леонид Андреев большой и маленький», а также многочисленные «несобранные статьи», затерянные в малоизвестных газетах и журналах. Большая часть этих статей после революции не переиздавалась.

УДК 82
ББК 84(2Рос=Рус)6
BIC FC
BISAC FIC004000

© T8RUGRAM, 2017
© Агентство ФТМ, Лтд., 2017
© К. Чуковский, наследники, 2017
ISBN 978-5-521-74852-5 (т. 6) © Е. Чуковская, Е. Иванова,
ISBN 978-5-4467-0026-4 составление, подготовка текста,
2017

Немногие писатели могут похвастаться таким литературным долголетием, как Чуковский: с момента появления его первого фельетона в газете «Одесские новости» в 1901 году и до 1969 года, когда незадолго до смерти завершалось издание первого в его жизни собрания сочинений в шести томах, прошло почти семьдесят лет, отданных подвижническому и не прекращавшемуся ни на один день литературному труду.

Однако творческая судьба Чуковского была удивительной не только по своей продолжительности, но и по плодотворности. Пройдя через все революции и войны, выпавшие на долю России в XX веке, Чуковский пережил несколько литературных эпох, и в каждой из них его талант раскрывал новые грани. В итоге он успел попробовать себя едва ли не во всех литературных жанрах: был критиком, детским поэтом, переводчиком, прозаиком, литературоведом, мемуаристом, пламенным борцом за культуру речи и ученым-лингвистом, заложившим в России основы изучения особенностей детского языка и мышления, редактором нескольких литературных журналов. И при таком разнообразии его литературная судьба никогда не выглядела разбросанной, потому что она имела единый центр — пламенную и почти религиозную любовь к литературе и искусству.

В рамках меняющихся литературных эпох Чуковский неизменно занимал обособленное место, что ярко отразилось в мемуарах о нем, изданных в 1977 году в книге «Воспоминания о Корнее Чуковском». Поклонники и почитатели, все те, кто пользовались его поддержкой на литературном пути или просто удостаивались дружбы, наперебой и с горячей признательностью вспоминали о нем, пересказывали шутки, меткие литературные словечки и суждения, повторяли его рассказы о пережитом и т. п. Позднее были опубликованы пристрастные воспоминания Евгения Шварца «Белый волк», где Чуковский предстал в образе одержимого литературой злодея, под маской показного добродушного скрывающего лицо чуть ли не человеконенавистника. Одна-

ко найти действительный облик Чуковского в этих воспоминаниях довольно трудно, потому что как доброжелатели, так и недоброжелатели едва ли до конца понимали того, о ком писали. Он на много пережил всех своих современников, и воспоминания о нем писали люди, сформированные другой эпохой.

Он был моложе Блока меньше чем на два года, а пережил его почти на пятьдесят лет! Но именно поколение Блока составляло ту среду, в которой начинался его литературный путь. Еще до революции Чуковский успел стать известным критиком, он посещал «башню» Вячеслава Иванова и Религиозно-философское общество, в круг его постоянного общения в те годы входили соседи по Куоккале, где он с семьей жил до революции — И. Е. Репин и Леонид Андреев; альманах «Чукоккала», название которого соединило название дачного поселка с его литературным именем, содержит автографы почти всех известных деятелей дореволюционной культуры.

В советскую литературу Чуковский вошел уже как один «из бывших», один из немногих, кто сумел преодолеть ценой невероятных усилий все трудности сживания с новым режимом. Может быть, поэтому Чуковский так дорожил той частью своей читательской аудитории, вкусы и пристрастия которой наименее зависели от времени и политической конъюнктуры — детворой. Всю свою жизнь он не только писал для детей, но с готовностью читал стихи на литературных утренниках, посещал детские праздники, навещал своих читателей в больницах и санаториях. Дети отвечали ему взаимностью и когда его произведения находились под запретом, и когда они печатались огромными тиражами.

С взрослыми, и особенно с начальством, отношения складывались сложнее. В компанию советских писателей он так никогда и не вошел, никогда не занимал должностей в Союзе писателей, не принимал участия в так называемой общественной работе — борьбе за мир, воспитании патриотизма и т. п. Советская эпоха чувствовала чужеродность Чуковского и стойко преследовала его все 20-е, 30-е, 40-е и 50-е годы. И только под конец жизни, так и не сумев перевоспитать в нужном духе, власть наконец смирилась с фактом его существования и даже увенчала его в 1962 году Ленинской премией за книгу «Мастерство Некрасова».

К пониманию личности Чуковского мало приближает и единственный опыт его автобиографической прозы — повесть о детстве «Серебряный герб» (1961), где в духе того времени описано, как трудно приходилось тем, кого называли тогда «кухаркиными детьми». Одним из них был и автор, пробивавший себе путь к гимназическому образованию при «проклятом самодержавии». Но едва ли все в судьбе сводилось только к самодержавию — были

в ней и другие, куда более глубокие подводные рифы. Настоящий ключ к судьбе и личности Чуковского дает только его дневник, впервые изданный в 1991–1994 годах, записи в котором охватывают весь период его литературной деятельности с 1901 по 1969 год. Из этих записей мы и получаем представление об этой удивительной судьбе.

Корней Иванович Чуковский — литературный псевдоним Николая Васильевича Корнейчукова, родившегося в Петербурге в 1882 году. Его рождение, как и рождение его единственной сестры Марии, окружено некоторой тайной — Чуковский никогда и нигде не писал о том, кто был его отец, бегло упомянув в биографической справке, что его родители разошлись, когда ему было три года.

По документам он был незаконнорожденный, сын крестьянки полтавской губернии Екатерины Осиповны Корнейчуковой. Мучения, которые причиняли ему эти документы, трудно даже вообразить. «...Когда дети говорили о своих отцах, дедах, бабках, я только краснел, мялся, лгал, путал, — признавался он в дневнике 3 февраля 1925 года. — У меня ведь никогда не было такой роскоши, как отец, или хотя бы дед. Эта тогдашняя ложь, эта путаница — и есть источник всех моих фальшей и лжей дальнейшего периода. Теперь, когда мне попадаетсся любое мое письмо к кому бы то ни было — я вижу: это письмо незаконнорожденного, «байструка». Все мои письма (за исключением некоторых писем к жене), все письма ко всем — фальшивы, фальцетны, неискренни — именно от этого. Раздребезжилась моя «честность с собою» еще в молодости. Особенно мучительно было мне в 16–17 лет, когда молодых людей начинают вместо простого имени называть именем-отчеством»¹. Вероятно, в этих чувствах надо искать причину того, что настоящим именем, которым величали его близкие и дальние, стал его литературный псевдоним, перешедший от него по наследству и к детям.

Мы находим единственное упоминание о встрече Чуковского с отцом в воспоминаниях Лидии Чуковской «Памяти детства»; она, как известно, закончилась изгнанием деда вместе с игрушками и подарками из Куоккальского дома, куда он приехал с миссией примирения².

Мать одна воспитывала его и сестру, зарабатывая на жизнь стиркой белья. Чуковский очень ее любил и писал о ней всегда с неизменной нежностью: «Воспитывала она нас демократиче-

¹ Чуковский К. Дневник. Наст. изд. Т. 12. С. 210.

² Чуковская Л. Памяти детства // Чуковская Л. Соч.: В 2 т. Т. 1. Повести. Воспоминания. М., 2000. С. 296–299.

ски — нуждою. Какой это был ритуал: когда она мыла посуду, вытирать полотенцем тарелки и вообще помогать маме»¹. Несмотря на героические усилия, мать так и не смогла дать своему сыну образование: из 5-го класса гимназии он был исключен, есть в неопубликованной части дневника записи о попытках сдать экзамены за гимназический курс экстерном, но остается неизвестным, чем они завершились: никаких документальных свидетельств об образовании не сохранилось.

Достоверно дневник позволяет понять, какая жажда знания, какое стремление к культуре были заложены в молодом Чуковском: занимаясь самообразованием, он сумел позднее войти как равный в семью петербургских литераторов и художников, печататься в престижных газетах и журналах, став влиятельным и известным литературным критиком. Неопубликованная часть дневника 1901 года переполнена конспектами, упоминаниями о книгах, которые надо прочесть, наставлениями самому себе. Тогда же он начал по самоучителю изучать английский язык. Василий Розанов, с которым Чуковского связывали сложные отношения, где интерес друг к другу соединялся с неприятием, однажды назвал его «деревянным человеком, который сам себя на верстаке сделал». Чуковский и вправду был одним из тех, кого англичане называют «self made man» — «сам себя сделавший человек». Однако в отличие от М. Горького, у которого рассказы «о том, как я учился писать» стали биографическим мифом, частью творчества, Чуковский себя в качестве самородка, а тем более босяка никогда не афишировал, повесть «Серебряный герб» (первоначальное название «Гимназия») была не более как данью времени.

Однако трудностей на его пути в литературу было ничуть не меньше, чем у Горького. Читатели его книги «Живой как жизнь» (1962), написанной во славу правильной русской речи, или ученые-лингвисты, вместе с которыми он принимал участие в спорах о русском языке в конце 50-х — начале 60-х годов, едва ли могли предположить, сколько сил потратил Чуковский в юности, чтобы овладеть грамотным литературным языком и научиться правильно говорить по-русски. В архиве Чуковского сохранились тетради, по которым он учился произносить слова, ставить ударение, изживал свой южнорусский одесский говор, чтобы ничем не выделяться в писательской среде Петербурга.

Ведь язык, на котором говорили в его семье с детства, был малороссийский, и с ним были связаны его первые литературные впечатления. В 1909 году он признавался: «...те хохлацкие стихи,

¹ Чуковский К. Дневник. Наст. изд. Т. 13. С. 378.

которые я знал с детства и которые я теперь совсем, совсем забыл, заслонил Блоками и Брюсовыми, теперь выплывают в памяти, вспоминаются... И еще страннее: в характере моем выступило — в виде настроения, оттенка — какое-то хохлацкое наивничание, простодушничанье и т. д. Вот: не только душа создает язык, но и язык (отчасти) создает душу»¹.

Вступлению Чуковского на литературное поприще способствовала удача — на его литературные опыты обратил внимание молодой одесский журналист, печатавшийся в «Одесских новостях» под псевдонимом Altalena (по-итальянски — качели), — Владимир Евгеньевич Жаботинский-Зеев (1880—1940). Позднее он прославил себя как теоретик и лидер сионизма, но в начале 1900-х годов, к которым относится его знакомство с Чуковским, он писал в «Одесских новостях» чуть не ежедневно по фельетону, откликаясь в них на самые разные события; одна из рубрик, где он постоянно печатался, так и называлась «Вскользь». Жаботинский не только первым поверил в талант молодого Чуковского, но и стал его «крестным отцом» на журналистском поприще. «Он втянул в газетную работу и меня, — вспоминал Чуковский, — <...> Он казался мне лучезарным, жизнерадостным, я гордился его дружбой и был уверен, что перед ним широкая литературная дорога»².

Записи в дневнике Чуковского, частично пропущенные при первой публикации, рассказывают об обстоятельствах его дебюта на страницах газеты «Одесские новости». Они дополняют опубликованную запись от 27 ноября 1901 года: «В «Новостях» напечатан мой большой фельетон «К вечно-юному вопросу». Подпись: Корней Чуковский. Редакция в примечании назвала меня «молодым журналистом, мнение которого парадоксально, но очень интересно». Радости не испытываю ни малейшей. Душа опустела. Ни строчки выжать не могу»³.

В записи от 28 ноября (она впервые будет опубликована в настоящем издании) содержатся некоторые подробности этой публикации: «Угощал Розу, Машу и Альталену чаем в кондитерской Никулина. Altalena устроил мне дело с фельетоном... В конце сентября я принес ему рукопись — без начала и конца, спросил, годится ли. Он на другой день дал утвердительный ответ. Я доставил начало и конец — он сдал в редакцию, и там, провалявшись около месяца, статья появилась в свет»⁴. Возможно, и английский язык он

¹ Чуковский К. Дневник. Наст. изд. Т. 12. С. 150.

² Письмо К. И. Чуковского к Р. П. Марголиной начала мая 1965 года // Рахель Павловна Марголина. Переписка с Чуковским. Иерусалим, 1978. С. 11 (Т. 15 наст. изд.).

³ Чуковский К. Дневник. Наст. изд. Т. 12. С. 44.

⁴ Там же.

начал изучать тогда не без влияния Жаботинского, который, как вспоминал Чуковский в письме к Р. Марголиной, «отлично знал английский язык и блистательно перевел «Ворона» Эдгара По»¹.

Altalena-Жаботинский помогал публикации одной из следующих статей Чуковского, посвященной публицисту М. О. Меньшикову, о чем идет речь еще в одной впервые публикуемой записи дневника от 11 декабря: «Читал сегодня Жаботинскому свою статью. Понравилась. Отнес в редакцию — и вот я на бездельи. А мне ни за что бездельничать не хочется — опять время упустить. Нужно, чтобы после второй обязательно шла третья — обязательно. 5 статей дам, — а там и подумаю, как и что. Милый человек этот Altalena! Прихожу сегодня к нему — он спит, а уже двенадцатый час. Какое двенадцатый — первый! Работал вчера долго — вот и заспался. Я подождал — он оделся, вышел, даю статью свою с замираньем — прочел. — Ну, говорит, неужели вы сомневаетесь! — валяйте скорей к Хейфецу. Быть может, завтра пойдет».

В редакции Чуковского ждал достаточно равнодушный прием: «Хейфец был занят, статьи моей не прочел, и она сегодня не пошла. Я встретил Хейфеца на улице. Раскланялся — и, памятуя совет Альталены, — даже не заикнулся о статье. Так — лучше»². На страницах газеты статья о Меньшикове появилась спустя несколько месяцев, постепенно Чуковский начинает регулярно печататься в газете.

Молодой Николай Корнейчуков, с момента вступления на журналистское поприще ставший навсегда Корнеем Чуковским, полностью оправдал ожидания. «Скоро одесская газета, — вспоминал Владимир Швейцер, — держалась уже на «трех китах»: корреспондент из Рима, писавший под псевдонимом «Altalena», бытописатель одесского «дна» Кармен, отец известного кинорежиссера Романа Кармена, и молодой литературный критик Корней Чуковский»³. Быстрому превращению юноши без определенных занятий, не окончившего курс гимназии и перебивавшегося частными уроками, во влиятельного литературного критика способствовала не только дружественная поддержка, но и исключительная работоспособность.

¹ Письмо К. И. Чуковского к Р. П. Марголиной начала мая 1965 года. // Рашель Павловна Марголина. Переписка с Чуковским. С. 11 (Т. 15).

² Чуковский К. Дневник. Наст. изд. Т. 11. С. 47.. И. Хейфец был редактором газеты «Одесские новости». Его воспоминания о сотрудничестве Жаботинского в газете позднее были опубликованы в эмиграции в Париже (Рассвет. 1930. № 42).

³ Владимир Швейцер. Юноша в гимназической куртке // Воспоминания о Корнее Чуковском. М., 1983. С. 10. При публикации этих воспоминаний составители были лишены возможности раскрыть псевдоним Жаботинского. О Лазаре Кармене Чуковский упоминал в мемуарном очерке «1905, июнь» (см. наст. издание, Т. 4. С. 527, 538 и 539).